

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Д. К. Васильев

аспирант департамента экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

КОНВЕРГЕНЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

В настоящее время одной из наиболее важных тем в сфере государственного управления России является управление бюджетным федерализмом для национального развития (Швецов, 2020). С конца XX в. Россия предпринимала попытки разработать подходящую модель бюджетного федерализма.

В опубликованных академических работах выявлено противоречие относительно эффективности различных моделей бюджетного федерализма. С одной стороны, ученые (Prud'homme, 1994; Tanzi, 1996; Fukasaku, de Mello, 1998; Zhang, Zou, 1998; Fishman, Gatti, 2002) утверждают, что в странах с переходной или развивающейся экономикой наиболее эффективна централизованная модель бюджетного федерализма, ввиду стремления минимизации макроэкономической нестабильности, коррупции и нарушений регионального развития. Другие авторы (Weingast, 1995; Enikolopov, Zhuravskaya, 2003; Zhuravskaya, 2010; Баклаева, 2016; Ермакова, 2020; Швецов, 2020) считают, что в развивающихся странах, в частности России, с экономической точки зрения централизованный фискальный федерализм неэффективен и требует изменения в сторону децентрализации для усиления регионального развития. Актуальность этого вопроса усиливается тем, что среди авторов существуют противоречивые мнения о существующей системе фискального федерализма в России.

Теоретические основы бюджетного федерализма

Категория «бюджетный федерализм» одновременно является экономической и юридической, что объясняет разнообразие интерпретаций и содержаний определений. Бюджетный федерализм представляет собой вертикальную финансовую структуру государственного сектора, который включает в себя распределение доходных и расходных полномочий между разными уровнями власти (Hanson, 2006). В данной работе анализируется перераспределение доходов между федеральным и региональным уровнями.

Теория государственных финансов подчеркивает важность налогообложения и бюджетных расходов для регионального развития (Tiebout, 1956; Oates, 1972; 1999). Наличие множества регионов усложняет эти задачи в условиях федерализма, выдвигая на первый план проблемы бюджетного федерализма (Hanson, 2006). Ключевые принципы бюджетного федерализма включают региональное равенство по отношению к федеральному центру, четкое разграничение полномочий, независимость бюджетов на разных уровнях, соответствие финансовых ресурсов субнациональных органов управления выполняемым ими функциям, формализованные методы регулирования межбюджетных отношений и наличие процедур для предотвращения конфликтов в бюджетной системе (Лавров, 1997; Абдулаев и др., 2023; Li et al., 2023).

Основной содержательный аспект заключается в обеспечении единства интересов всех субъектов Российской Федерации на всех уровнях бюджетной системы, согласно российской литературе (Лавров, 1997; Крохина, 2001). Авторы имеют различные точки зрения на рассматриваемую тему. Некоторые описывают бюджетный федерализм как тип финансовой структуры федеративного государства, другие определяют его как набор принципов, составляющих бюджетную структуру, а третьи определяют его как поиск научно обоснованного, оптимального распределения расходов и доходов в бюджете каждого уровня (Беткараев, 2009).

У. Оутс в своем исследовании (Oates, 1972) сделал замечание относительно общей теории. Теорема децентрализации представляет собой простое правило, которое гласит: «... при отсутствии экономии за счет централизованного предоставления местных общественных благ и межюрисдикционных экстерналий выгоды всегда будут как минимум такими же высокими (и, как правило, выше), если эффективные уровни потребления по Парето достигаются в каждой юрисдикции, чем если поддерживается единый, равномерный уровень потребления во всех юрисдикциях». Таким образом, теорема создает предположение, позволяющее децентрализованное предоставление общественных благ с локальными эффектами на основе экономической эффективности. Другой момент, который следует учитывать, — это масштаб увеличения благосостояния в результате бюджетной децентрализации. В теории мы можем сравнить преимущества децентрализованного предоставления общественных благ с более равномерным, централизованно определенным уровнем производства.

Региональные политики имеют возможность действовать независимо в некоторых областях, в то время как в других они выступают в качестве зависимых агентов федерального центра. Федеративные отношения, по сути, представляют собой переплетение взаимозависимостей: региональные политики имеют возможность действовать независимо в некоторых областях, в то время как в других они выступают в качестве зависимых агентов федерального центра. С другой стороны, федерализм требует взаимности, и федеральные политики в некоторой степени зависят от субъектов и их представителей. Кроме того, регионы, особенно крупные города, должны находить баланс в своих взаимодействиях с местными органами власти. Баланс отношений в каждой федерации постоянно пересматривается. Фактически каждое поколение политиков предлагает реформировать связи между центром и регионами для решения возникающих проблем, в той или иной степени. Таким образом, федерализм требует не только изменений, но и гибкости. Следовательно, федерализм не только подразумевает, но и требует реформ, и одним из ключевых преимуществ этого типа политического контроля является гибкость. Однако эти реформы чрезвычайно сложны и комплексны в эффективных федерациях, требуя долгосрочного процесса переговоров и согласования интересов, в которых участвуют не только центр и регионы, но и другие заинтересованные стороны, такие как судебные органы, политические партии, палаты парламента и другие (Бусыгина, 2018).

Некоторые авторы (Баклаева, 2016) утверждают, что, прежде всего, необходимо согласовать экономические интересы для достижения наибольших социальных и экономических преимуществ для всего общества страны. Успешное и скоординированное развитие всей экономики Российской Федерации, как в целом, так и в региональном плане, обеспечивается сочетанием экономических интересов субъектов на всех уровнях Российской Федерации (Гершкович, 2005). Все вышеупомянутые вопросы указывают на необходимость создания надлежащей модели бюджетного федерализма, которая позволяет сочетать цели федерации с интересами

ее субъектов, сохраняя при этом независимость каждого из них. Кроме того, необходимо создать экономическую систему для федеральных и межрегиональных связей, которая позволила бы разрешить противоречия между территориальными и национальными обязанностями (Баклаева, 2016).

С конца XX в. в России предпринимались различные попытки создать подходящую модель бюджетного федерализма. В России реформы 1990-х гг., известные как «гайдаровские реформы», привели не только к экономической либерализации и демократии, но и к переходу от высокоцентрализованного унитарного государства к высокодецентрализованному федеративному государству. Вынужденный политический компромисс, который позволил либерализацию и приватизацию, заключался в передаче значительной финансовой и политической автономии регионам в обмен на их лояльность. Распределение бюджетных полномочий от центра к периферии принимало форму хаотичных неформальных переговоров, которые стали политическим инструментом (Shleifer, Treisman, 2000; Popov, 2004).

Децентрализация проводилась в основном по политическим причинам: во-первых, для продвижения либеральных изменений в центре России, которые должны были обеспечить сильный рост. Во-вторых, региональные администрации обвинялись в отсутствии экономического прогресса. Поскольку децентрализация в то время была политически мотивирована, ее экономические последствия были упущены из виду, что серьезно повлияло на последующее экономическое развитие страны (Zhuravskaya, 2010).

На протяжении 1990-х гг. федеральное правительство и регионы активно использовали несколько дополнительных соглашений. До 1995 г. федеральный центр почти полностью вел переговоры о двусторонних договорах с этническими республиками (например, Башкортостан, Татарстан, Кабардино-Балкарская Республика), чтобы предоставить им дополнительные полномочия и даже обсуждать вопросы взаимного делегирования полномочий. После 1995 г. этот подход начал распространяться на другие типы регионов. К 1998 г. 46 регионов подписали договор с федеральным правительством, что способствовало увеличению неравенства между регионами (в пользу этнических республик и богатых регионов), а также между субнациональными правительствами и федеральным центром. После 2000 г. отношение федерального правительства к договорам существенно изменилось. Федеральный закон № 119, принятый 24 июня 1999 г., установил, что федеральные законы имеют приоритет над договорами. В 2001–2002 гг. регионы и федеральное правительство подписали 28 актов о прекращении двусторонних или трехсторонних договоров. Индивидуальное разграничение полномочий через договоры было прекращено в последний период развития российского федерализма, и лишь несколько регионов, в основном донорские регионы и этнические республики, имели подобные соглашения в последние годы (Yushkov et al., 2017).

С начала 2000-х гг. при президентстве В. В. Путина правительство стремилось централизовать федеративную систему как политически, так и экономически (Zhuravskaya, 2010). Создание семи федеральных округов, каждый из которых контролирует несколько регионов, для мониторинга и надзора за реализацией реформ и региональным развитием стало важным шагом в централизации федеративной системы. Кроме того, президент установил контроль над региональными исполнительными и представительными органами. Если региональные губернаторы или региональные парламенты нарушают федеральные конституционные ограничения в своей законодательной деятельности, он теперь имеет право увольнять их и приостанавливать их полномочия (Ortung, 2005). Кроме того, региональные выборы были отменены, и губернаторы стали назначаться непосредственно президентом.

Совет Федерации был реформирован, что позволило центру оказывать большее влияние на регионы (Lankina, 2009).

Реформы фискального федерализма сопровождали эти институциональные изменения. При режиме Б. Н. Ельцина двусторонние договоры с регионами позволяли некоторым особенно богатым ресурсами компаниям сохранять большую часть своих доходов в региональной казне. В. В. Путин, однако, отменил эти соглашения и заменил их новыми законами, которые позволяют центру сохранять до 70% налоговых поступлений. Налоговые и бюджетные правила были изменены для повышения предсказуемости и прозрачности федеральных ассигнований в регионах с целью достижения федеральных целей социально-экономического развития. Одновременно были разработаны специальные программы для решения проблемы регионального неравенства. Заявленной целью новой политики было устранение хаотичного и политизированного распределения экономических и политических ресурсов (Lankina, 2009).

В результате всех этих изменений в России сложился тип централизованного бюджетного федерализма с доминирующей ролью государственного центра. Федерации и ее субъектам были предоставлены широкие совместные полномочия. Полномочия федерации также были признаны, а «остаточный принцип» использовался для определения консолидации собственных полномочий субъектов федерации (Беткараев, 2009).

Для эффективного развития страны необходима система стимулов для государственных чиновников. Стимулы необходимы для того, чтобы бюрократы и политики работали на благо народа, а не для личной выгоды или бездействия. Создание такой структуры стимулов для стран с разным населением и обширной территорией гораздо сложнее, чем для небольших, однородных государств. В результате вопрос о том, как должен формироваться бюджетный федерализм, вышел на первый план (Zhuravskaya, 2010). С одной стороны, централизованный бюджетный федерализм В. В. Путина направлен на сокращение регионального неравенства, снижение коррупции и сохранение целостности государства. Некоторые ученые, с другой стороны, утверждают, что эта модель бюджетного федерализма неэффективна. Это противоречие, являющееся исследовательской проблемой, необходимо рассматривать с разных точек зрения.

Кроме того, важным является вопрос о том, какие ограничения существуют для России в выборе той или иной институциональной федеративной системы. В мире существует множество различных типов федераций. Для России выбор определенной модели затруднен как минимум двумя основными факторами. Во-первых, существуют значительные межрегиональные дисбалансы. В России непропорционально большое количество получателей выплат из федерального бюджета, что требует масштабного финансового перераспределения через центр. Если модернизация будет эффективной, что включает экономическую децентрализацию (и, в частности, соответствующее изменение налоговой политики), таких регионов станет меньше, но из-за качества земли (значительное количество северных регионов) и рассредоточенного проживания их останется довольно много. В результате Российская Федерация будет вынуждена сохранять определенный уровень централизации в будущем, чтобы поддерживать слабые и проблемные регионы. Во-вторых, чрезвычайно серьезной проблемой, которую нельзя игнорировать в российском сценарии, являются этнические республики. Рассмотрим 1990-е гг., когда лозунги федерализма использовались как прикрытие и оправдание спонтанной децентрализации, или широкомасштабный захват федеральных задач и полномочий регионами. Межсегментарные различия (в основном

межэтнические) приобрели политическое значение в случае широкомасштабных политических действий граждан, и избиратели в этнических регионах мобилизовались под лозунгами независимости или даже суверенитета своего региона. В этом контексте важно признать, что сопровождающая государственная слабость и реформы связаны с серьезной опасностью усиления этнической мобилизации, особенно в республиках (Бусыгина, 2018).

Несмотря на заявленные цели и задачи государственных программ по четкому определению полномочий и увеличению стимулов для регионов и муниципалитетов по созданию собственной доходной базы, централизованная бюджетная система была восстановлена на практике с середины 2000-х гг., а независимость субфедеральных бюджетов снизилась (Da Silva et al., 2009).

Ниже приведены важные факты и тенденции, характеризующие текущий фискальный федерализм в России.

Тенденция 1. Дегградация структуры доходов федерального бюджета. В начале 2000-х гг. структура доходов федерального бюджета была несколько разнообразной и соответствовала мировым нормам. Структура российского федерального бюджета быстро менялась с середины 2000-х гг. Доля таможенных пошлин в доходах федерального бюджета значительно выросла в результате изменений в бюджетном законодательстве и роста цен на энергоносители, в то время как доля налога на добычу полезных ископаемых постоянно увеличивалась. НДС, наряду с таможенными сборами, оставался одним из двух основных источников доходов федерального бюджета с начала 2000-х гг. К 2014 г. налоги на товары и услуги составляли 83% доходов федерального бюджета, или 96% всех налоговых поступлений. Арендная плата за нефть и газ составляла значительную часть общей суммы: налоги на добычу полезных ископаемых в виде углеводородов, а также таможенные сборы на сырую нефть, природный газ и переработанные продукты. В результате можно говорить о дегградации структуры доходов федерального бюджета, что крайне проблематично с точки зрения долгосрочной устойчивости и стабильности бюджетной системы в условиях снижения цен на энергоносители на мировых рынках. Бюджеты стран ОЭСР отличаются разнообразной структурой доходов. Ни в одной из стран ОЭСР доходы федерального бюджета не зависят так сильно от одного источника финансирования, как в современной России (Одинг и др., 2016).

Тенденция 2. Растущая зависимость регионов от федеральных трансфертов и снижение свободы в их расходовании. В период с 2000 по 2004 г. доля межбюджетных трансфертов различных форм в доходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации составляла менее 10%, но к 2008 г. она выросла до 20%. Федеральный центр был вынужден увеличить объем безвозмездной финансовой поддержки субъектам Российской Федерации до 27% их консолидированных бюджетных поступлений во время пика финансово-экономического кризиса в 2009 г., который сильно ударил по субфедеральным бюджетам. В последующие годы доля трансфертов немного снизилась, но все еще составляла более 20% доходов субфедеральных бюджетов. Абсолютные уровни этого показателя в основном соответствуют международным стандартам, но есть некоторые тревожные тенденции. Наблюдается тенденция к увеличению зависимости регионов: доля трансфертов в доходах субнациональных бюджетов оставалась стабильной в большинстве стран ОЭСР за последние десять лет, в то время как в России она увеличилась примерно на 10%. В то же время доля безусловных выплат значительно снизилась (с 69% в 2005 г. до 31% в 2012 г.), что указывает на снижение региональной автономии. Выравнивающая роль фискального федерализма явно преобладает над стимулирующей функцией (Одинг и др., 2016).

Тенденция 3. Нарушение баланса доходных полномочий и расходных обязательств на региональном и муниципальном уровне. Одной из основных целей, которая повторяется в государственных концепциях и планах, является стабильное и четкое определение налоговых и расходных полномочий на различных уровнях бюджетной системы. Отмена налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородов для региональных бюджетов, а также изменение правил перечисления подоходного налога с физических лиц в местные бюджеты являются одними из последних неблагоприятных тенденций. Ситуация намного хуже на местном уровне, где трансферты из бюджетов более высокого уровня покрывают более половины муниципальных расходов. Это состояние приводит к формированию «чувства зависимости» и препятствует созданию соответствующих стимулов для нижних уровней бюджетной системы (Одинг и др., 2016).

В заключение можно сказать, что российский федеративный маятник (от централизации в стиле Советского Союза к децентрализации в начале и середине 1990-х гг., а затем к рецентрализации в начале 2000-х гг.) перешел в новое состояние. С начала 2000-х гг. наблюдается устойчивый и продолжительный период централизации без возврата к децентрализации (Yushkov et al., 2017).

Российский федерализм остается «дремлющим» институтом на протяжении последнего десятилетия, причем ученые и политики редко вспоминали о его существовании. Его описывают как что-то привлекательное, но бесполезно украшающее структуру вертикали власти. Авторы указывают, что, во-первых, длительное пребывание российского федерализма в «серой» зоне политической неопределенности при сохранении его юридических основ позволяет считать его «живым», а не «мертвым». Во-вторых, следует ожидать, что в определенных политических ситуациях этот полумертвый институт будет возрожден (Захаров, 2012).

Отдельно стоит отметить работы авторов, которые рассматривали различные аспекты бюджетного федерализма в России. К примеру, в работе А. Михайловой и Е. Тимушева уточняется понятие бюджетной устойчивости и рассматриваются ее ключевые индикаторы, проводится оценка устойчивости бюджетной системы России на региональном уровне (Михайлова, Тимушева, 2020). Устойчивость бюджета определяется как способность функционировать таким образом, чтобы цели, достигнутые сегодня, не снижали вероятность их реализации в будущем. Выявлены высокие риски снижения бюджетной устойчивости на уровне региональных властей, обладающих ограниченными полномочиями, включая регулирование долговых обязательств. Предлагается ограничить региональные полномочия исключительно в области долговой политики, исключив дополнительные ограничения в расходовании средств. Также исследование показывает, что устойчивость бюджета зависит не только от объема долгов, но и от эффективности бюджетных институтов и общего управления (Михайлова, Тимушев, 2020). Риски особенно велики на региональном уровне, где локальные власти имеют меньший объем полномочий, включая управление долговыми параметрами. Методика оценки долговой устойчивости субъектов РФ, утвержденная правительством (ст. 107.1 Бюджетного кодекса РФ), учитывает кредитоспособность регионов и позволяет применять гибкие регулирующие меры в зависимости от размера долга. Однако эта методика не в полной мере отражает экономические и институциональные факторы, которые авторы предлагают учесть в новом индексе бюджетной устойчивости.

Другим интересным вопросом на рассмотрении является влияние внутрирегиональной бюджетной децентрализации на стимулы местных властей в России. Исследование В. Бухарского показало отсутствие явных доказательств прямого воздействия децентрализации на эффективность деятельности местных органов

власти (Бухарский, 2021). Передача нормативов зачастую воспринимается как финансовая поддержка нижестоящих бюджетов, поскольку величина переданных ресурсов возрастает вместе с уровнем дотационности региона. Вместе с тем некоторые позитивные эффекты наблюдаются: передача нормативов по отдельным видам налогов способствует росту предпринимательской активности и улучшению налоговых поступлений. Местные власти демонстрируют низкую степень устойчивости и жесткости в вопросах бюджетной децентрализации.

Кроме того, изучалось воздействие передачи субъектами РФ на муниципальный уровень нормативов отчислений от различных видов налогов на рост доходной базы соответствующих налогов (Дерюгин и др., 2021). Результаты показали наличие положительной динамики в случае некоторых категорий налогов, однако этот эффект проявляется неравномерно среди разных групп регионов. Например, для налогов, связанных с упрощенной системой налогообложения и налогом на имущество организаций, положительный результат был зафиксирован преимущественно в менее обеспеченных регионах, тогда как для налога на доходы физических лиц — в самых бедных. Авторы приходят к выводу, что изменение размеров нормативов отчислений не оказывает существенного влияния на увеличение налогооблагаемой базы.

Многие исследователи приводят доводы в пользу как централизованного, так и децентрализованного фискального федерализма, но четыре пункта ниже являются наиболее спорными. Во-первых, отсутствие информации, крупным федерациям гораздо сложнее определить, что нужно людям разных слоев и этнических групп, по сравнению с небольшими государствами. Например, в таких больших и разнообразных странах, как Россия, центральное правительство имеет значительно меньше знаний о предпочтениях людей в разных частях страны. Предоставляемая информация в большинстве случаев недостаточна для того, чтобы сделать централизованное предоставление общественных благ эффективным (Zhuravskaya, 2010).

В. Танзи представил контраргумент, основанный на том факте, что правительство может назначать и назначает должностных лиц в местные региональные организации, что позволяет выявлять и распространять всеобъемлющую информацию о предпочтениях субъектов федерации (Tanzi, 1996). Однако, когда политические структуры страны неадекватны, возникает трудность, что приводит к ситуациям, когда назначенное лицо предоставляет неверную или вообще не предоставляет никакой информации.

Во-вторых, компонент коррупции: авторы (Fishman, Gatti, 2002) утверждают, что риск возникновения и развития коррупции выше на местном уровне, чем на национальном, что является аргументом в пользу централизации модели бюджетного федерализма.

Третьим аргументом является неспособность эффективно контролировать чрезмерно сложную систему, так называемая «control failure» (Zhuravskaya, 2010). Однако при внедрении децентрализации возникает проблема качества регионального управления, что является косвенным контраргументом (Prud'homme, 1994).

Четвертая обсуждаемая тема — контекст различных стран. Авторы обсуждают необходимость централизации или децентрализации, используя несколько успешных и неудачных примеров со всего мира. Например, в 1990-х гг. авторы (Akai, Sakata, 2002) обнаружили положительное влияние децентрализации бюджетного федерализма на экономическое развитие США. Однако есть случаи негативных последствий, как в Китае, где децентрализация нанесла вред экономическому прогрессу провинций (Zhang, Zou, 1998). Дж. Соренс обнаружил, что влияние бюджетного федерализма зависит от ситуации в стране (Sorens, 2014). Контекст каждой страны уникален, и Российская Федерация требует более глубокого исследования (Zhuravskaya, 2000).

Как было сформулировано выше, различные авторы полагают, что централизованная модель бюджетного федерализма позитивно влияет на выравнивание экономического развития регионов. Таким образом, целью данного исследования является анализ влияния сформировавшейся за последние два десятилетия централизованной модели бюджетного федерализма на конвергенцию регионов по экономическому развитию.

Методология

На основе анализа представленной выше академической литературы была определена методологическая основа для статьи, а также выдвинута гипотеза для исследования:

Гипотеза: российская централизованная модель бюджетного федерализма позитивно влияет на конвергенцию субъектов РФ по уровню экономического развития (Tanzi, 1996; Wallis, Oates, 1988; Panizza, 1999; Fishman, Gatti, 2002; Letelier, 2005; Freinkman, Plekhanov, 2009; Alexeev, Mamedov, 2017).

При этом необходимо отметить, что при формулировке гипотезы и формировании модели исследования автор стремился учесть и проанализировать ранее упомянутые российские особенности централизованной модели бюджетного федерализма: деградация структуры доходов федерального бюджета, растущая зависимость регионов от федеральных трансфертов и снижение свободы в их расходовании, нарушение баланса доходных полномочий и расходных обязательств на региональном уровне (Одинг и др., 2016).

В результате, по аналогии с ранее упомянутыми исследованиями, в данной работе используется количественная методология, вторичные количественные данные. Типом методологии является количественное экспериментальное исследование. Основными источниками информации являются Федеральная служба государственной статистики РФ и Казначейство Российской Федерации.

Влияние бюджетной децентрализации на конвергенцию регионов по уровню экономического развития (*URD*) оценивается следующим образом:

$$URD = \alpha + \beta_1 \cdot FiscDec + \beta_2 \cdot CapInv + \beta_3 \cdot Roads + \beta_4 \cdot Urb + \varepsilon,$$

где *URD* — коэффициент сходимости (конвергенции) регионов, рассчитанный для каждого региона в каждом году; *FiscDec* — децентрализация доходов субъекта РФ в определенном году; *CapInv* — соотношение инвестиции в основной капитал к доходу бюджета субъекта РФ; *Urb* — доля городского населения в субъекте РФ; *Roads* — протяженность автомобильных дорог (километров путей).

В основу расчета коэффициента сходимости (*URD*) легла формула расчета σ -конвергенции (z -статистики), после построения регрессии она будет дополнена анализом β -конвергенции. Формула выглядит следующим образом:

$$URD_{i,t} = \frac{GRP_{i,t} - GRPmean_t}{GRPstdev_t},$$

где $URD_{i,t}$ — коэффициент сходимости для региона i в году t ; $GRP_{i,t}$ — валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения для региона i в году t ; $GRPmean_t$ — средний ВРП на душу населения для всех регионов в году t ; $GRPstdev_t$ — стандартное отклонение ВРП на душу населения для всех регионов в году t . Предварительно переменная ВРП на душу населения была скорректирована на индекс потребительских цен для исключения влияния инфляции.

В качестве основной объясняющей переменной для характеристики конвергенции регионов была выбрана бюджетная децентрализация (*FiscDec*), а именно доля безвозмездных межбюджетных трансфертов в бюджете субъекта РФ. Бюджетная децентрализация представлена как характеристика и мера системы бюджетного федерализма. Показатель рассчитывался как соотношение безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации к доходам бюджета субъекта i в году t . Данный показатель отражает одну из ранее упомянутых тенденций развития бюджетного федерализма в России — растущую зависимость регионов от федеральных трансфертов и снижение свободы в их расходовании (Одинг и др., 2016).

Показатель *CapInv*, соотношение инвестиции в основной капитал к доходу бюджета субъекта Российской Федерации, был выбран как прокси-показатель бюджетной устойчивости. В российской практике управления региональными финансами сохраняется методологический дефицит в области оценки бюджетной устойчивости. На текущий момент не сформирована единая методологическая база, позволяющая комплексно анализировать способность субнациональных бюджетов сохранять платежеспособность в долгосрочной перспективе. Хотя отдельные методические разработки и инновационные концепции присутствуют (Михайлова, Тимушев, 2020), система оценки находится в процессе институционализации. Под бюджетной устойчивостью предлагается понимать способность публично-правовых образований реализовывать текущие задачи без ущерба для выполнения долгосрочных стратегических приоритетов. Высокий уровень капитальных расходов может быть индикатором высокой бюджетной устойчивости (Михайлова, Тимушев, 2020).

Таким образом, формула расчета показателя выглядела следующим образом:

$$CapInv = \frac{\text{Инвестиции в основной капитал}_{i,t}}{(\text{Доходы}_{i,t} - \text{Безвозмездные поступления от других бюджетов РФ}_{i,t})},$$

где в числителе объем инвестиций в основной капитал в регионе i в году t , а в знаменателе доходы субъекта i в году t за вычетом безвозмездных поступлений от других бюджетов РФ, включая дотации, субвенции, субсидии и прочие безвозмездные трансферты.

Контрольные переменные — уровень урбанизации (*Urb*) и уровень государственных сервисов (*Roads*). Уровень урбанизации отражает комплексное развитие страны или региона с точки зрения производительности, технологий и промышленной структуры. Этот показатель измерялся через долю городского населения в общей численности населения. Для измерения уровня государственных сервисов применялся прокси-показатель в виде общей протяженности автодорог в регионе.

Расчет основывался на данных по 75 субъектам РФ¹. Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО и Еврейская АО были исключены

¹ Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области. Республики Карелия и Коми, Ненецкий АО, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области. Республики Адыгея и Калмыкия, Краснодарский и Ставропольский край, Астраханская, Волгоградская области. Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Осетия, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Пермский край, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области. Республики Алтай, Тыва, Хакасия. Алтайский и Красноярский край. Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области. Республики Бурятия и Саха. Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский край. Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский АО.

как выбросы, так как имеют очень большие отклонения от основной массы. Также не включались Севастополь, Республика Крым, Чеченская Республика и Краснодарский край ввиду отсутствия данных за значительные периоды времени.

В настоящей статье используются панельные данные за период с 2005 по 2023 г., представленные Федеральной службой государственной статистики и Казначейством Российской Федерации. Выборка составила 1444 наблюдения. Базовое представление о данных получено в ходе описательного анализа характеристик (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика данных

Переменная	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Макс.
<i>Year</i>	2014	5,48	2005	2023
<i>URD</i>	-0,14	0,52	-0,98	1,61
<i>FiscDec</i>	0,40	0,22	0,06	1,52
<i>CapInv</i>	2,62	2,46	-2,06	15,07
<i>Roads</i>	15 263,92	10 616,67	390,41	49 809,44
<i>Urb</i>	0,70	0,12	0,31	0,95

Источник: рассчитано автором на основе данных из Федеральной службы государственной статистики России и Федерального Казначейства России.

В данном исследовании ставилась задача оценить совокупную ситуацию по конвергенции регионального развития в целом по России, поэтому была использована винзоризация как метод обработки экстремальных выбросов в наборе данных. Такой подход гарантирует, что набор данных остается полным, одновременно снижая непропорциональное влияние выбросов на результаты. За исключением 9 ранее упомянутых субъектов РФ, выбросы в наборе данных были идентифицированы как значения за пределами 1-го и 99-го перцентилей. Эти перцентили были выбраны на основе общепринятой практики в экономических и региональных исследованиях. Некоторые экстремальные значения в наборе данных отражают реальные явления (например, большие различия в региональной инфраструктуре), поэтому было принято решение не отбрасывать их, а ограничить пороговыми значениями, которые имеют смысл для анализа.

Далее был проведен регрессионный анализ данных с использованием модели с фиксированными эффектами. Данный тип модели был выбран с целью контроля специфичных для региона ненаблюдаемых факторов, которые могут повлиять на зависимую переменную (например, географические, культурные или исторические факторы). Также использовались стандартные ошибки Дрисколла–Края с целью решения проблемы как автокорреляции, так и гетероскедастичности в панельных данных. В отличие от стандартных методов кластеризации, они также корректируют перекрестную зависимость, которая возникает, когда экономические факторы затрагивают несколько регионов одновременно. Объем выборки позволяет эффективно использовать данный инструмент. Более детальные результаты оценки регрессионной модели представлены в табл. 2.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что основная гипотеза принимается, согласно которой централизованная модель бюджетного федерализма позитивно влияет на конвергенцию регионов по уровню экономического развития. Модель является статистически значимой, как и переменные бюджетной децентрализации, объема инвестиций в основной фонд в доле от бюджета субъекта (прокси бюджетной устойчивости) и контрольная переменная — протяженность автодорог.

Таблица 2

**Линейная регрессионная модель с фиксированными эффектами
и стандартными ошибками Дрисколла–Края**

URD	Коэф.	Ст. ошибка	t-знач.	p-знач.	[95% дов.	интервал]
<i>FiscDec</i>	0,042	0,011	-4,030	0,001	-0,064	-0,020
<i>CapInv</i>	-0,007	0,002	-3,220	0,005	-0,011	-0,002
<i>Roads</i>	-0,000	0,000	-5,580	0,000	-0,000	-0,000
<i>Urb</i>	-0,095	0,167	-0,570	0,578	-0,446	0,256
<i>Constant</i>	-0,001	0,107	-0,010	0,989	-0,227	0,224

Источник: рассчитано автором на основе данных из Федеральной службы государственной статистики России и Федерального Казначейства России.

Отрицательный коэффициент у переменных свидетельствует о том, что рост объясняющей переменной приводит к снижению z -оценки, то есть регион становится ближе к среднему, что отражает конвергенцию регионов. Таким образом, централизация доходов при бюджетном федерализме, бюджетная устойчивость и протяженность автодорог позитивно влияют на конвергенцию регионов по экономическому развитию.

Данные результаты необходимо интерпретировать очень аккуратно ввиду того, что z -оценка не позволяет сделать выводы о том, за счет чего происходит сближение — ускоренного развития отстающих регионов или замедления лидирующих. Поэтому далее была построена регрессионная модель для проверки β -конвергенции с целью понять, происходит ли конвергенция регионов за счет «догоняющего» темпа развития отстающих регионов. Для начала был рассчитан показатель, отражающий темпы экономического роста региона:

$$G_{i,t} = \frac{\ln(GRP_{i,t}) - \ln(GRP_{i,t_0})}{t - t_0} 100\%,$$

где $G_{i,t}$ — годовой темп роста ВВП на душу населения в регионе i в году t по отношению к базовому (2005) году; $\ln(GRP_{i,t_0})$ — ВВП на душу населения в субъекте в начальный год, а $\ln(GRP_{i,t})$ — в год t .

Логарифмирование преобразует мультипликативный рост в аддитивный. Значения ВВП на душу населения были скорректированы на индекс потребительских цен для исключения влияния инфляции.

Далее была построена регрессионная модель для понимания β -конвергенции. Модель выглядит следующим образом:

$$G_{i,t} = \alpha + \beta \cdot \ln(GRP_{i,t-1}) + \varepsilon_i,$$

где $G_{i,t}$ — годовой темп роста относительно базового 2005 г. субъекта i в году t ; $\ln(GRP_{i,t-1})$ — логарифм ВВП на душу населения субъекта i в году t с лагом в 1 год. Расчет основывался на данных по 73 субъектам РФ¹.

Модель и объясняющая переменная статистически значимы. Коэффициент β -конвергенции отрицательный, регионы с низким начальным ВВП на душу населения растут быстрее, таким образом, можно заключить, что конвергенция регионов по уровню экономического развития происходит за счет «догоняющего» роста отстающих субъектов РФ.

¹ Помимо ранее упомянутых регионов, были так же исключены Вологодская и Челябинская области ввиду отсутствия официальных статистических данных для расчета показателей.

Таблица 3

Линейная регрессионная модель с фиксированными эффектами и робастными стандартными ошибками

G	Коэф.	Ст. ошибка	t-знач.	p-знач.	[95% дов.	интервал]
$\ln GRP_{i,t-1}$	-0,093	0,009	-10,880	0,000	-0,110	-0,076
Constant	1,092	0,094	11,580	0,000	0,904	1,280
Mean dependent var		0,066	SD dependent var			0,037
R-squared		0,406	Number of obs			1332
F-test		118,390	Prob > F			0,000
Akaike crit. (AIC)		-6060,737	Bayesian crit. (BIC)			-6055,543

Источник: рассчитано автором на основе данных из Федеральной службы государственной статистики России и Федерального Казначейства России.

Обсуждение полученных результатов

Результаты исследования показали, что сформировавшаяся централизованная модель бюджетного федерализма позитивно влияет на конвергенцию регионов России по уровню экономического развития. Подтверждается, что конвергенция осуществляется преимущественно за счет отстающих регионов с «догоняющим» ростом.

Данный результат наводит на размышление о том, были бы подобные результаты получены при наличии децентрализованной модели бюджетного федерализма в России? Различные ученые (Zhuravskaya, 2000; Enikolopov, Zhuravskaya, 2003) утверждают, что децентрализованная модель более благоприятна для экономического роста субъектов РФ по нескольким причинам. Теоретические исследования факторов фискальной децентрализации предполагают, что страны или регионы будут более децентрализованными, если их население более разнообразно по различным параметрам, соответствующие общественные блага могут быть предоставлены достаточно эффективно на более низком уровне управления, а нижестоящие уровни власти имеют доступ к адекватным источникам дохода. Важно отметить, что эти теоретические вопросы в определенной степени зависят от политической структуры страны, в частности от уровня ответственности правительства перед гражданами на всех уровнях. Однако присутствуют обоснования полагать, что централизованная модель может быть более эффективна в зависимости от контекста стран (Wallis, Oates, 1988; Panizza, 1999; Letelier, 2005; Freinkman, Plekhanov, 2009; Alexeev, Mamedov, 2017).

Остается открытым вопрос о том, были бы темпы экономического роста и конвергенции быстрее или медленнее, нежели чем в случае с текущей централизованной моделью бюджетного федерализма. Также поводом для дискуссии является вопрос относительно того, способствовала бы децентрализованная модель конвергенции регионов по уровню экономического развития или же общий рост осуществлялся бы преимущественно за счет более развитых и успешных регионов. В таком случае перед государственными управленцами возник бы выбор между более быстрым общим экономическим ростом за счет регионов-лидеров или же конвергенция регионов с более медленными общими темпами экономического роста. Данный вопрос крайне важно учитывать в контексте региональных диспропорций России. Присутствуют регионы с ярко выраженной ресурсно-сырьевой специализацией, такие как Тюменская область с ее нефтегазовым комплексом,

и регионы, чья экономика исторически зависит от обрабатывающей промышленности или сельского хозяйства, но сталкивается с технологическим отставанием и депопуляцией — например, области Центрального Черноземья или отдельные территории Северного Кавказа. В контексте ярко выраженных регионов-доноров (Москва, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО) и дотационных субъектов (Ингушетия, Тыва, Алтайский край) вопрос о необходимости бюджетной централизации остается крайне актуальным.

При том, что модель бюджетного федерализма не является полярным бинарным выбором, степень децентрализации определяется не только экономическими факторами, но и политическими. В условиях сложной внешнеполитической обстановки, включая санкционное давление, геополитическую конфронтацию с Западом и необходимость мобилизации ресурсов для обеспечения национальной безопасности, политические приоритеты становятся ключевым драйвером централизации бюджетной системы. После событий 2014 г. обострились отношения России с западными партнерами. Кремль усилил контроль над финансовыми потоками, чтобы минимизировать риски дестабилизации в стратегически важных регионах. Санкции, ограничивающие доступ к западным капиталам и технологиям, вынудили государство консолидировать ресурсы для финансирования оборонно-промышленного комплекса и импортозамещения — задачи, которые было бы сложнее реализовать в децентрализованной модели. Политическая логика централизации также связана с сохранением территориальной целостности в многонациональной федерации. Угрозы сепаратизма, актуализированные опытом 1990-х гг. (Чеченские войны, «парад суверенитетов»), заставляют федеральный центр ограничивать финансовую самостоятельность регионов. К примеру, в Республике Татарстан, где в 1990-е гг. существовали собственные паспорта и претензии на особый статус, сегодня доля федеральных трансфертов превышает 40% бюджета, что делает регион зависимым от решений Москвы. Таким образом, внешнеполитические вызовы трансформируют бюджетный федерализм в инструмент политического управления. Централизация становится не столько экономическим выбором, сколько механизмом выживания.

Более того, можно утверждать, что распределение субвенций (которые влияют на фискальную децентрализацию) основано не только на экономических переменных, как объясняет централизованная модель фискального федерализма. Субвенции используются для финансирования исполнения регионами федеральных полномочий. Авторы (Юшков и др., 2016) полагают, что делегирование этих полномочий подрывает основы федерализма. В определенной степени это затрудняет работу органов государственного управления по достижению сбалансированного и долгосрочного регионального развития. Субвенции становятся инструментом гибкого перераспределения, одновременно затуманивая подотчетность. В этом случае повышается риск неэффективного использования бюджетных средств, что подтверждается постоянным пересмотром разграничения полномочий и методик расчета объемов субвенций.

Стремление к централизованной модели бюджетного федерализма, а также существенное влияние политических сил можно отчасти объяснить желанием снизить уровень коррупции. Бюджетная децентрализация может способствовать коррупции на местном уровне, так как она предоставляет полномочия местным политикам и бюрократам, делая их более уязвимыми и доступными для требований местных интересов, как показали (Prud'homme, 1994; Tanzi, 1996). Авторы (Fishman, Gatti, 2002) обнаружили, что опасность возникновения и развития коррупции выше на местном уровне, чем на национальном.

Политическая система России также может играть роль в централизации бюджетной системы. Основополагающая предпосылка, что субнациональные правительства имеют более сильную мотивацию для эффективного предоставления местных общественных благ, может не применяться в политических системах, отличных от демократии (Tanzi, 1996). В подобных политических системах проблема принципала-агента может превратить бюджетную децентрализацию в инструмент для субнациональных властей, чтобы эксплуатировать местных жителей и национальный бюджет.

В. Танзи основывал аргументы о благоприятности централизованной системы на том, что правительство может и назначает должностных лиц в местные региональные организации, что позволяет выявлять и распределять полную информацию о предпочтениях федеральных субъектов (Tanzi, 1996). Реализацию можно наблюдать и в России, где происходит назначение (а не избрание) должностных лиц. Однако присутствует риск того, что назначенные руководители будут больше озабочены выполнением решений федерального центра, нежели развитием регионов.

В контексте бюджетной децентрализации стоит также учитывать вопрос качества регионального управления. Децентрализация не только распределяет власть от центра к регионам, но и передает власть от центральных государственных служащих к региональным бюрократам. В то же время стоит помнить, что более развитые центральные районы привлекают более компетентных работников. В результате, бюджетная децентрализация может снизить качество регионального управления, согласно исследованию (Prud'homme, 1994). Однако существовал и контраргумент: неспособность эффективно управлять слишком сложной системой, известная как «control failure». Как полагает автор (Zhuravskaya, 2010), Россия, в отличие от Беларуси, Монголии или Литвы, не может быть эффективно управляемой из центра как компания из-за своего огромного размера и экономического и культурного разнообразия. Таким образом, этот вопрос остается спорным.

Эффекты бюджетной децентрализации на экономический рост и, в частности, на валовой региональный продукт являются неоднозначными. Некоторые исследователи выявили отрицательное влияние децентрализации на коррупцию (Fisman, Gatti, 2002), тогда как (Treisman, 2000) не нашел связи. Децентрализация негативно влияет на провинциальный рост в Китае, по данным (Zhang, Zou, 1998). Исключив циклические эффекты, (Jin, Zou, 2005) обнаружили, что эта связь положительная. В начале 1990-х гг. (Akai, Sakata, 2002) выяснили, что децентрализация положительно влияет на рост штатов в США. Однако (Xie et al., 1999) не нашли долгосрочной связи между этими факторами в США за последние 50 лет. В бедных странах (Woller, Phillips, 1998) не нашли связи между децентрализацией и ростом. Тогда как (Davoodi, Zou 1998), напротив, обнаружили отрицательную, незначительную связь в развивающихся странах, но не нашли влияния в богатых странах. Децентрализация и младенческая смертность имеют отрицательную кросс-страновую ассоциацию, по данным (Robalino et al., 2001). Е. Журавская установила, что децентрализация благоприятно влияет на результаты в здравоохранении и образовании в российских городах (Zhuravskaya, 2000). Данное исследование демонстрирует, что бюджетная централизация оказывает позитивное влияние на конвергенцию регионов по уровню экономического развития. Таким образом, данный вопрос все еще обсуждается и является предметом для дальнейших исследований.

Важно отметить, что текущая централизованная модель бюджетной децентрализации может снижать стимулы для регионального роста и повышать региональную зависимость от управления федерального центра. Если федеральное правительство оплачивает большую часть бюджета, регионы со временем теряют стимулы

увеличивать собственные доходы. Субсидии являются основными драйверами регионального роста, что может иметь долгосрочные негативные последствия (Zhuravskaya, 2000).

Таким образом, появляется необходимость стимулирования регионов-доноров к инвестициям в депрессивные территории. Регионы-доноры (Москва, ХМАО, ЯНАО) не заинтересованы в перераспределении ресурсов, так как их доходы изымаются в федеральный бюджет без обратной отдачи. Потенциальными решениями могут быть налоговые льготы для компаний-инвесторов из регионов-доноров (снижение ставки налога на прибыль и/или освобождение от НДС проектов в рамках межрегиональных программ развития), создание Фонда межрегионального развития и управление фондом совместно представителями доноров и реципиентов с фокусом на проекты с кросс-региональным эффектом.

Авторы также отмечают (Одинг и др., 2016), что установленные правительством обязательства по увеличению финансовой независимости регионов и муниципалитетов и ликвидации субсидирования регионов не были выполнены. Федеральный центр был вынужден увеличить объем безвозмездной финансовой помощи субъектам Российской Федерации до 27% от доходов их консолидированных бюджетов в период пика финансово-экономического кризиса в 2009 г., когда кризис сильно ударил по субфедеральным бюджетам. В последующие годы доля трансфертов незначительно снизилась, но они все равно составляли около 20% доходов субфедеральных бюджетов. Из-за частых изменений в форме межбюджетных трансфертов система межбюджетных отношений в России в целом нестабильна и непредсказуема (Одинг и др., 2016). Четкое и последовательное разграничение налоговых и расходных полномочий между различными уровнями бюджетной системы остается одной из основных задач для государства.

Более того, присутствует необходимость внедрения долгосрочных и стабильных правил межбюджетных отношений. Частые изменения в Бюджетном и Налоговом кодексах, а также в методиках расчета трансфертов создают неопределенность для регионов, затрудняя среднесрочное бюджетное планирование. В дополнение к этому, необходимо повышение прозрачности и объективности распределения трансфертов. Трансферты могут быть использованы как инструмент политического влияния, а их распределение не до конца остается прозрачным и привязанным к объективным критериям. Проработка методологии по распределению трансфертов, а именно их публичной декомпозиции и внедрению формул «прозрачного выравнивания» является предметом дальнейших исследований.

Выводы

Исследование показало, что существующая централизованная модель бюджетного федерализма в России способствует конвергенции регионов по уровню экономического развития, преимущественно за счет «догоняющего» роста отстающих субъектов. Однако дискуссия о потенциальных эффектах децентрализации остается актуальной. Стремление к централизованной модели бюджетного федерализма можно объяснить сильным влиянием внешнеполитических факторов, стремлением максимизировать уровень контроля исполнения федеральных целей и минимизировать уровень коррупции политической системы в России. Дискуссия о балансе между конвергенцией регионов и экономическим ростом за счет регионов-лидеров, а также роли качества регионального управления требует дальнейших исследований. Результаты исследования подтверждают позитивное влияние централизации на конвергенцию регионов, но с важными оговорками. Ограничения

модели: не учтена нестабильность правил межбюджетных отношений, например, корректировка методик расчета трансфертов, и политико-административные факторы (назначение губернаторов), что может завышать оценку эффективности централизации. Факторы как раз не были формализованы в модели из-за сложности их количественной оценки, эти аспекты требуют отдельного качественного анализа. Обращается внимание на необходимость внедрения долгосрочных правил межбюджетных отношений, усиления прозрачности трансфертов с привязкой к объективным критериям и разработки системы стимулов для регионов-доноров.

Источники

Абдулаев А. М., Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М., Чуженкова В. А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 42–55.

Баклаева Н. М. Проблемы согласования экономических интересов субъектов межбюджетных отношений в условиях развития бюджетного федерализма в России // Финансы и кредит. 2016. № 10 (682). С. 46–60.

Беткараев С. Б. О моделях межбюджетных отношений в федеративных государствах // Финансы и кредит. 2009. Т. 22. № 358. С. 75–79.

Бусыгина И. Зачем и как реформируют российский федерализм // Контрапункт. 2018. № 11. С. 1–8.

Бухарский В. В. Бюджетная децентрализация и стимулы местных органов власти в Российской Федерации // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 2. С. 114–129.

Гершкович Б. Я. Экономические интересы, стимулирование, мотивация и вопросы экономической политики в Российской Федерации. Пятигорск, 2005.

Дерюгин А., Филиппова И., Арлашкин И. Влияние внутрирегиональной налоговой децентрализации на развитие доходной базы регионов // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 8–33.

Ермакова Ю. С. Налоговый потенциал в системе бюджетного федерализма и стимулирования регионального развития // Международный бухгалтерский учет. 2020. Т. 23. № 3(465). С. 342–360.

Захаров А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире / Андрей Захаров; предисл. Камерона Росса. М., 2012.

Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм / под ред. Н. И. Химичева М., 2001.

Лавров А. Проблемы становления и развития бюджетного федерализма в России // Становление рыночной экономики в России: Сб. научных трудов. М., 1997.

Лавров А. М. Мифы и рифы российского бюджетного федерализма. М., 1997.

Михайлова А. А., Тимушев Е. Н. Бюджетная система России: насколько устойчива? // Экономический журнал ВШЭ. 2020. Т. 24. № 4. С. 572–597.

Одинг Н., Савулькин Л., Савулькин А. Российский бюджетный федерализм через призму реализации правительственных программ // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 93–114.

Швецов Ю. Г. Тупик российского бюджетного федерализма // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 4(475). С. 709–722.

Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. Роль субвенций в российской системе бюджетного федерализма // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 49–64.

Akai N., Sakata M. Fiscal Decentralization Contributes to Economic Growth: Evidence from State-level Cross-section Data for the United States // Journal of Urban Economics. 2002. Vol. 52. N 1. P. 93–108.

Alexeev M., Mamedov A. Factors Determining Intra-Regional Fiscal Decentralization in Russia and the US // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3. N 4. P. 425–444.

Cheng Z., Wang H., Xiong W., Zhu D., Cheng L. Public–Private Partnership as a Driver of Sustainable Development: Toward a Conceptual Framework of Sustainability-Oriented PPP // Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development. 2021. Vol. 23. N 1. P. 1043–1063.

Da Silva M. O., Kurlyandskaya G., Andreeva E., Golovanova N. Intergovernmental Reforms in the Russian Federation: One Step Forward, Two Steps Back? Washington, DC: World Bank, 2009.

Davoodi H., Zou H. F. Fiscal Decentralization and Economic Growth: A Cross-Country Study // Journal of Urban Economics. 1998. Vol. 43. N 2. P. 244–257.

- Enikolopov R., Zhuravskaya E.* Decentralization and Political Institutions / Center for Economic and Financial Research, 2003.
- Fang C., Yu D.* Urban agglomeration: An Evolving Concept of an Emerging Phenomenon // Landscape and Urban Planning. 2017. Vol. 162. P. 126–136.
- Fisman R., Gatti R.* Decentralization and Corruption: Evidence across Countries // Journal of Public Economics. 2002. Vol. 83. N 3. P. 325–346.
- Freinkman L., Plekhnov A.* Fiscal Decentralization in Rentier Regions: Evidence from Russia // World Development. 2009. Vol. 37. N 2. P. 503–512.
- Fukasuku K., de Mello L. R.* Fiscal Decentralisation and Macroeconomic Stability: The Experience of Large Developing and Transition Economies / Ed. by K. Fukasuku and R. Hausmann. Paris. OECD, 1998. P. 121–148.
- Hanson P.* Federalism with a Russian Face: Regional Inequality, Administrative Capacity and Regional Budgets in Russia // Econ Change. 2006. Vol. 39. P. 191–211.
- Jin J., Zou H.* Fiscal Decentralization, Revenue and Expenditure Assignments, and Growth in China // Journal of Asian Economics. 2005. Vol. 16. N 6. P. 1047–1064.
- Lankina T., Phillips M.* The House of Lords: The Working of the Electoral Process in the 1999 Act of Parliament // The Political Quarterly. 2009. Vol. 80. N 1. P. 42–48.
- Letelier L. S.* Explaining Fiscal Decentralization // Public Finance Review. 2005. Vol. 33. N 2. P. 155–183.
- Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z.* Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China // Land. 2023. Vol. 12. N 3. P. 641.
- Oates W. E.* An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. N 3. P. 1120–1149.
- Oates W. E.* Fiscal Federalism. New York, 1972.
- Ortung R.* Key Issues in the Evolution of Federal Okrugs and Center-Region Relations under Putin. In: The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations. Rowman & Littlefield, 2005.
- Panizza U.* On the Determinants of Fiscal Centralization: Theory and Evidence // Journal of Public Economics. 1999. Vol. 74. Iss. 1. P. 97–139.
- Popov V.* Fiscal Federalism in Russia: Rules Versus Electoral Politics // Comparative Economic Studies. 2004. Vol. 46. N 4. P. 515–541.
- Prud'homme R.* On the Danger of Decentralization. Washington, D. C., 1994.
- Robalino D., Picazo O., Voetberg A.* Does Fiscal Decentralization Improve Health Outcomes? Policy Research Working Paper Series 2565 / The World Bank, 2001.
- Shleifer A., Treisman D.* Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. MIT Press, 2000.
- Sorens J.* Does Fiscal Federalism Promote Regional Inequality? An Empirical Analysis of the OECD, 1980–2005 // Regional Studies, Taylor, Francis Journals. 2014. Vol. 48. N 2. P. 239–253.
- Tanzi V.* Fiscal Federalism and Decentralization: A Review of Some Efficiency and Macroeconomic Aspects. Annual World Bank Conference on Development Economics 1995. Washington, The World Bank, 1996.
- Tiebout C. M.* A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64. N 5. P. 416–424.
- Treisman D.* The Causes of Corruption: a Cross-National Study // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. N 3. P. 399–457.
- Wallis J., Oates W.* Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government. NBER Chapters. In: Fiscal Federalism: Quantitative Studies, 1988.
- Weingast B.* The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development // Journal of Law, Economics, Organization. 1995. Vol. 11. N 1. P. 1–31.
- Woller G., Phillips K.* Fiscal Decentralisation and IDC Economic Growth: An Empirical Investigation // The Journal of Development Studies. 1998. Vol. 34. N 4. P. 139–148.
- Xie D., Zou H., Davoodi H.* Fiscal Decentralization and Economic Growth in the United States // Journal of Urban Economics. 1999. Vol. 45. Iss. 2. P. 228–239.
- Yushkov A., Savulkin L., Oding N.* Intergovernmental Relations in Russia: Still a Pendulum? // Public Administration Issues. 2017. N 5. P. 38–59.
- Zhang T., Zou H.* Fiscal Decentralization, Public Spending, and Economic Growth in China // Journal of Public Economics. 1998. Vol. 67. N 2. P. 221–240.

Zhuravskaya E. Federalism in Russia / Working Papers w0141. Center for Economic and Financial Research, 2010.

Zhuravskaya E. Incentives to Provide Local Public Goods: Fiscal Federalism Russian Style // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. N 3. P. 33–368.

References

Abdullayev A. M., Zemlyansky D. Yu., Medvednikova D. M., Chuzhenkova V. A. Osobennosti primeneniya kreditnykh instrumentov «infrastrukturnogo menyuu» i ikh vozmozhnoye vliyaniye na byudzhethnyuyu situatsiyu v regionakh Rossii [Features of the application of credit instruments of the “infrastructure menu” and their possible impact on the budgetary situation in the regions of Russia]. *Regional'nyye issledovaniya [Regional studies]*, 2023, N 1, pp. 42–55. (In Russian)

Akai N., Sakata M. Fiscal Decentralization Contributes to Economic Growth: Evidence from State-level Cross-section Data for the United States. *Journal of Urban Economics*, 2002, vol. 52, N 1, pp. 93–108.

Alexeev M., Mamedov A. Factors Determining Intra-Regional Fiscal Decentralization in Russia and the US. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, N 4, pp. 425–444.

Baklaeva N. M. Problemy soglasovaniya ekonomicheskikh interesov sub'yektov mezhbyudzhethnykh otnosheniy v usloviyakh razvitiya byudzhethnogo federalizma v Rossii [Problems of coordinating economic interests of subjects of interbudgetary relations in the context of development of budget federalism in Russia]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 2016, N 10 (682), pp. 46–60. (In Russian)

Betkaraev S. B. O modelyakh mezhbyudzhethnykh otnosheniy v federativnykh gosudarstvakh [On models of interbudgetary relations in federal states]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 2009, vol. 22, N 358, pp. 75–79. (In Russian)

Bukharsky V. V. Byudzhethnaya detsentralizatsiya i stimuly mestnykh organov vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Budgetary decentralization and incentives of local authorities in the Russian Federation]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2021, vol. 13, N 2, pp. 114–129. (In Russian)

Busygina I. Zachem i kak reformiruyut rossiyskiy federalizm [Why and how Russian federalism is being reformed]. *Kontrapunkt [Counterpoint]*, 2018, iss. 11, pp. 1–8. (In Russian)

Cheng Z., Wang H., Xiong W., Zhu D., Cheng L. Public-Private Partnership as a Driver of Sustainable Development: Toward a Conceptual Framework of Sustainability-Oriented PPP. *Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development*, 2021, vol. 23, N 1, pp. 1043–1063.

Da Silva M. O., Kurlyandskaya G., Andreeva E., Golovanova N. *Intergovernmental Reforms in the Russian Federation: One Step Forward, Two Steps Back?* Washington, DC: World Bank, 2009.

Davoodi H., Zou H. F. Fiscal Decentralization and Economic Growth: A Cross-Country Study. *Journal of Urban Economics*, 1998, vol. 43, N 2, pp. 244–257.

Deryugin A., Filipova I., Arlshkin I. Vliyaniye vnutrireional'noy nalogovoy detsentralizatsii na razvitiye dokhodnoy bazy regionov [The Impact of Intraregional Tax Decentralization on the Development of the Revenue Base of Regions]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2021, vol. 16, N 2, pp. 8–33. (In Russian)

Enikolopov R., Zhuravskaya E. *Decentralization and Political Institutions*. Center for Economic and Financial Research, 2003.

Ermakova Yu. S. Nalogovyy potentsial v sisteme byudzhethnogo federalizma i stimulirovaniya regional'nogo razvitiya [Tax potential in the system of budget federalism and stimulation of regional development]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet [International accounting]*, 2020, vol. 23, iss. 3 (465), pp. 342–360. (In Russian)

Fang C., Yu. D. Urban agglomeration: An Evolving Concept of an Emerging Phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 2017, vol. 162, pp. 126–136.

Fisman R., Gatti R. Decentralization and Corruption: Evidence across Countries. *Journal of Public Economics*, 2002, vol. 83, N 3, pp. 325–346.

Freinkman L., Plekhov A. Fiscal Decentralization in Rentier Regions: Evidence from Russia. *World Development*, 2009, vol. 37, N 2, pp. 503–512.

Fukasuku K., de Mello L. R. *Fiscal Decentralisation and Macroeconomic Stability: The Experience of Large Developing and Transition Economies*. ... Ed. by K. Fukasuku and R. Hausmann. Paris. OECD, 1998, pp. 121–148.

Gershkovich B. Yu. *Ekonomicheskie interesy, stimulirovaniye, motivatsiya i voprosy ekonomicheskoi politiki v Rossiiskoi Federatsii [Economic interests, incentives, motivation and economic policy issues in the Russian Federation]*. Pyatigorsk, 2005. (In Russian)

Hanson P. Federalism with a Russian Face: Regional Inequality, Administrative Capacity and Regional Budgets in Russia. *Econ Change*, 2006, vol. 39, pp. 191–211.

Jin J., Zou H. Fiscal Decentralization, Revenue and Expenditure Assignments, and Growth in China. *Journal of Asian Economics*, 2005, vol. 16, N 6, pp. 1047–1064.

Krokhina Yu. A. *Byudzhethnoye pravo i rossiyskiy federalizm [Budget law and Russian federalism]*. Ed. by Khimchev N. I. Moscow, 2001.

- Lankina T., Phillips M. The House of Lords: The Working of the Electoral Process in the 1999 Act of Parliament. *The Political Quarterly*, 2009, vol. 80, N 1, pp. 42–48.
- Lavrov A. *Myths and Reefs of Russian Budget Federalism [Myths and Reefs of the Russian fiscal Federalism]*. Moscow, 1997. (In Russian)
- Lavrov A. *Problemy stanovleniya i razvitiya byudzhernogo federalizma v Rossii [Problems of formation and development of budgetary federalism in Russia]*. Moscow, 1997. (In Russian)
- Letelier L. S. Explaining Fiscal Decentralization. *Public Finance Review*, 2005, vol. 33, N 2, pp. 155–183.
- Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z. Examining the Impact of Infrastructure Financialization on Uneven Regional Development: Evidence from China. *Land*, 2023, vol. 12, N 3, pp. 641.
- Mikhailova A. A., Timushev E. N. Byudzhernaya sistema Rossii: naskol'ko ustoychiva? [Russia's Budget System: How Sustainable Is It?]. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE [HSE Economic Journal]*, 2020, vol. 24, iss. 4, pp. 572–597. (In Russian)
- Oates W. E. An Essay on Fiscal Federalism. *Journal of Economic Literature*, 1999, vol. 37, N 3, pp. 1120–1149.
- Oates W. E. *Fiscal Federalism*. New York, 1972.
- Oding N., Savulkin L., Savulkin A. Rossiyskiy byudzhernyy federalizm cherez prizmu realizatsii pravitel'stvennykh programm [Russian budgetary federalism through the prism of the implementation of government programs]. *Ekonomicheskaya politika [Economic policy]*, 2016, vol. 11, N 4, pp. 93–114. (In Russian)
- Orttung R. *Key Issues in the Evolution of Federal Okrugs and Center-Region Relations under Putin*. In: The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations. Rowman & Littlefield, 2005.
- Panizza U. On the Determinants of Fiscal Centralization: Theory and Evidence. *Journal of Public Economics*, 1999, vol. 74, N 1, pp. 97–139.
- Popov V. Fiscal Federalism in Russia: Rules Versus Electoral Politics. *Comparative Economic Studies*, 2004, vol. 46, N 4, pp. 515–541.
- Prud'homme R. *On the Danger of Decentralization*. Washington, D. C., 1994.
- Robalino D., Picazo O., Voetberg A. *Does Fiscal Decentralization Improve Health Outcomes?* Policy Research Working Paper Series 2565. The World Bank, 2001.
- Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. MIT Press, 2000.
- Shvetsov Yu. G. Tupik rossiyskogo byudzhernogo federalizma [Deadlock of Russian fiscal federalism]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, 2020, vol. 18, iss. 4 (475), pp. 709–722. (In Russian)
- Sorens J. Does Fiscal Federalism Promote Regional Inequality? An Empirical Analysis of the OECD, 1980–2005. *Regional Studies, Taylor, Francis Journals*, 2014, vol. 48, N 2, pp. 239–253.
- Tanzi V. *Fiscal Federalism and Decentralization: A Review of Some Efficiency and Macroeconomic Aspects*. Annual World Bank Conference on Development Economics 1995. Washington, The World Bank, 1996.
- Tiebout C. M. A Pure Theory of Local Expenditures. *Journal of Political Economy*, 1956, vol. 64, N 5, pp. 416–424.
- Treisman D. The Causes of Corruption: a Cross-National Study. *Journal of Public Economics*, 2000, vol. 76, N 3, pp. 399–457.
- Wallis J., Oates W. *Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government*. NBER Chapters. In: Fiscal Federalism: Quantitative Studies, 1988.
- Weingast B. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. *Journal of Law, Economics, Organization*, 1995, vol. 11, N 1, pp. 1–31.
- Woller G., Phillips K. Fiscal Decentralisation and IDC Economic Growth: An Empirical Investigation. *The Journal of Development Studies*, 1998, vol. 34, N 4, pp. 139–148.
- Xie D., Zou H., Davoodi H. Fiscal Decentralization and Economic Growth in the United States. *Journal of Urban Economics*, 1999, vol. 45, N 2, pp. 228–239.
- Yushkov A., Savulkin L., Oding N. Intergovernmental Relations in Russia: Still a Pendulum?. *Public Administration Issues*, 2017, N 5, pp. 38–59.
- Yushkov A. O., Oding N. Yu., Savulkin L. I. Rol' subventsiy v rossiyskoy sisteme byudzhernogo federalizma [The Role of Subventions in the Russian System of Fiscal Federalism]. *Voprosy Ekonomiki [Economic issues]*, 2016, N 10, pp. 49–64. (In Russian)
- Zakharov A. «Spyashchiy institut»: Federalizm v sovremennoy Rossii i v mire [“The Sleeping Institute”: Federalism in Modern Russia and in the World]... foreword by Cameron Ross. Moscow, 2012. (In Russian)
- Zhang T., Zou H. Fiscal Decentralization, Public Spending, and Economic Growth in China. *Journal of Public Economics*, 1998, vol. 67, N 2, pp. 221–240.
- Zhuravskaya E. *Federalism in Russia*. Working Papers w0141. Center for Economic and Financial Research, 2010.
- Zhuravskaya E. Incentives to Provide Local Public Goods: Fiscal Federalism Russian Style. *Journal of Public Economics*, 2000, vol. 76, N 3, pp. 33–368.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2025 г.

Статья рекомендована в печать 20 июня 2025 г.